

Разговор наш с народной артисткой СССР, лауреатом Государственной премии СССР Нонной Викторовной Мордюковой начался с произвольного «Зачем снимается кино?» не случайно. С самых первых шагов в актерской профессии это «зачем» сопровождает ее всю жизнь и властно требует ответа...

— Как только я и мои сверстники переступили порог киностудии, пришли на первое занятие к Бибикову и Пыжовой, — рассказывает актриса, — нам сразу же выдали по листу бумаги, карандашу и попросили: напишите, почему вы избрали своей профессией именно кино? И я откровенно написала — почему. А выбрала я

его, когда училась, наверное, еще в пятом классе.

Была в нашем селе хата под камышовой крышей — клуб, и в нем — аппарат, ручку которого мальчишки крутили попеременно. Но прежде чем загореться экрану, сельский дед проделывал обязательный ритуал: с какой-то особой значительностью он наливал керосин, чтобы работал движок. Несмотря на такие неприятные просмотры, я рано поняла, зачем кто-то кино снимает и почему люди в трепетном нетерпении собираются под камышовой крышей.

Да, на мою долю выпало — вдовы, вдовы, разруха и необычайная сила единения. С тех пор и сидит во мне какой-то неизлечимый вирус жизнелюбия, драматичности — искренняя, невычитанная жалость к женщинам, которые остались одиночками. В институте я неумолимо рассказывала истории о наших людях, изображала их в лицах. Кое-кто из однокурсников считал, мол, хвастаюсь я, фантазирую. А я позднее поняла, что век можно хвастаться этими людьми — как бесценным ожерельем. Помню, снималась я в роли трактористки, так с родины моей уже летело мамино письмо с наставлениями: подойдешь к трактору — губы не кусай и с инструментом обходишь как ни в чем не бывало... Люди, доченька, обижаются, если на экране неточности замечают. Они ведь уверены — там настоящая жизнь.

Пережив немало трудных судеб на экране, выстрадав их, зная, что эти судьбы трогали людей, небезразличны им были, я с особой тревогой наблюдаю за сегодняшним нашим кино.

Нонна МОРДЮКОВА:

«ЗАЧЕМ СНИМАЕТСЯ КИНО?»

Как-то на творческом совещании один руководитель, не скрывая раздражения, обратился в зал: «Товарищи, вы хоть сценарии друг друга читайте, сюжеты — как близнецы!». Может быть, еще и поэтому зритель стал как бы похлопывать кино по плечу и насмехаться над создателями картин.

Да, кино — искусство массовое. Но из этого определения как-то очень быстро исчезло главное слово «искусство». Осталась лишь массовость во всем — множество режиссеров, актеров, множество серых картин, а искусство — в единицах. Стало быть, мы сами позволяем хлопнуть себя по плечу, снисходить до посещения кинозала. Мое глубокое убеждение: настоящий фильм легко не смотрят. И я перестаю верить только в та-

кое кино, которое появляется, когда у его создателей наболело, когда они делятся с людьми сокровенным. Бесстрастное кино рождает и бесстрастного зрителя. А чем занимаются мои коллеги в последнее время? Журят и журят друг друга. И продолжают «выдавать на-гора» продукцию, которая ни одной души не всколыхнет. Потому что так легче, проще, спокойнее и им самим, и начальникам, сидящим в высоких креслах, не желающим этих кресел лишиться и оттого озабоченным одним: лишь бы в очередной ленте все было поглаже. Вот откуда заполнившие экран накатанные сюжеты, где все проблемы, как летающая муха под потолком.

В том же самом истоке берет начало и такая порочная тактика: не очень «удобные», неприглаженные фильмы, если их все-таки удастся снять, идут к зрителю изнуряющим создателей путем, через множество препятствий, а то и вовсе не доходят до экрана. Страшно вспоминать, сколько нервов мы убили за полтора года, пока не выпускали фильм «Родня!» А после съемок «Трясины» я прямоком угодила в кардиологическое отделение, Чухрай все время ходил с валиدолом под языком. По накалу драматического, трагедийного материала не было у меня тяжелее этого фильма. Да, мы рвали страсти в клочья, но мы знали, о чем хотели сказать зрителю — о роковой ошибке

ЭКРАН И СОВРЕМЕННОСТЬ

матери, решившей спасти сына. И вот при выпуске картины руководство Госкино решило: это неактуально. Да разве принять такое «решение» нельзя было раньше, когда мы еще не потратили столько сил?.. Фильм все-таки вышел, но каким тяжелым был его путь на экран...

Пошел уже пятый год, как я не снимаюсь. Почему? Сценарии предлагают, и немало. Вот, скажем, один из них: об алкоголиках. Я бы с радостью согласилась играть, если бы была в этом сценарии правда, настоящая трагедия — когда жизнь смеркается... Я хотела бы сыграть такую женщину, которая говорит обо всем, и о страшном в том числе, откровенно. Ведь если мы не будем честно вскрывать недостатки — и на производстве, и в семье, а к этому нас и призывает наша партия, — они никогда не исчезнут. Только жизнь, талантливо отраженная на экране, — правдивая, полнокровная, и живые, а не причесанные и отутюженные, человеческие характеры, заставляют биться зрительские сердца. И до тех пор, пока наш кинематограф будет бояться правды, осторожничать, топтаться вокруг проблем, придуманных по схеме «кое-где у нас порой», он не станет интересен людям.

Написала Т. ИСАЕВА.